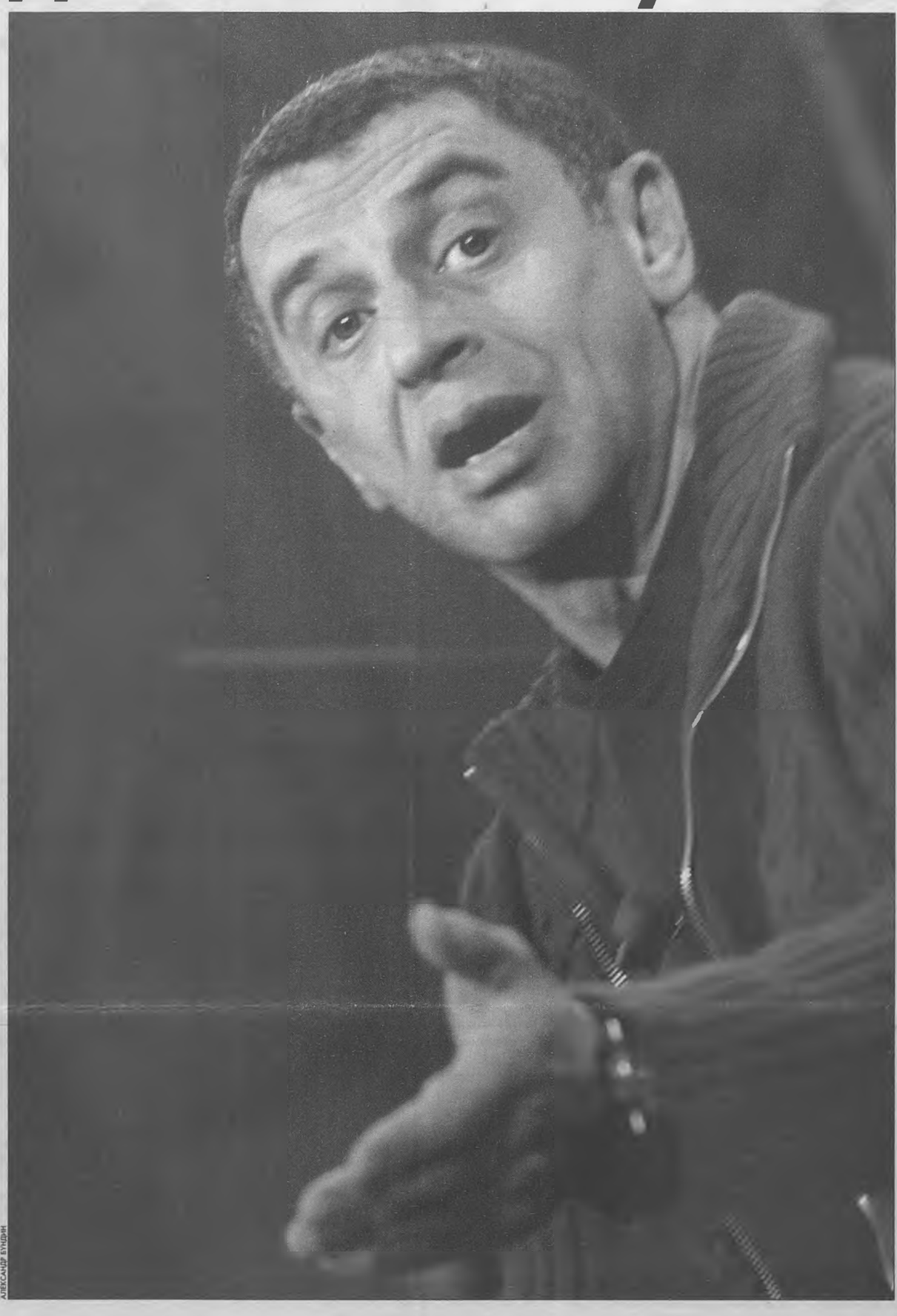
Дыховичный Иван 11.05.05

Россія. – 2005. – 5–11 мая. – с.14.

Иван ДЫХОВИЧНЫЙ:
Для ностальгии у меня нет повода

Беседовал Александр Славуцкий

***Иван Дыховичный** родился в семье драматурга и балерины, окончил Щукинское училище, играл в Театре на Таганке. Потом были Высшие режиссерские курсы, после окончания которых он поставил замечательные фильмы «Черный монах», «Прорва», «Музыка для декабря», «Копейка». Одна из последних работ Ивана Дыховичного на телевидении – программа «Ностальгия», которую он вел на канале ТВЦ в прошлом и начале текущего телесезона.*



АЛЕКСАНДР БУНДИН

– Иван, вы работали в руководстве второго канала, потом был проект «Деньги» на ТВС, а как вы оказались в роли ведущего программы «Ностальгия»?

– Предыстория моего появления в «Ностальгии» такова: руководство ТВЦ предложило мне взять на себя программу, в которой заболел прежний ведущий. Я согласился, поскольку ее тема показалась мне интересной, ведь очень многое в нашем прошлом могло бы найти оригинальную форму воплощения на экране. Может быть, моей ошибкой было то, что я согласился войти в уже имеющийся формат, нисколько его не изменив. Но для этого надо было остановить цикл съемок и начать работу над программой практически с нуля, а на это у нас просто не было времени.

– Получается, что во время записи вам все время приходилось наступать на горло собственной песне и делать совсем не то, что хотелось бы?

– У меня было довольно сложное чувство. С одной стороны, я видел, что во время съемок многие гости вдруг начинали говорить какие-то сокровенные вещи, которых от них раньше никто не слышал. Но вот эта форма общения – разговор за круглым столом – зрителю уже приелась, этим уже никого не увлечешь.

– Кстати, как вы сами относитесь к массовой культуре?

– Ее удел – идти на поводу у публики, а это очень опасная вещь. Особенно в такие значимые для страны годы, как наше время. И во многом именно из-за разлагающего влияния масскульта в нашем обществе сегодня недооцениваются возможности настоящей культуры и художественных проектов, которые могли бы составить какие-то приоритеты. Но для этого нужно поддерживать не рейтинговые проекты, на что у многих не хватает сил и смелости. И очень у не многих сохраняется ощущение, что они не должны унижать зрителя пошлостью, глупостью для того, чтобы просто заработать деньги. И у них, может быть, нет больших денег, но зато есть достоинство, соответствующее самоощущение и самочувствие. Если бы такое единение было в обществе, то политическая ситуация в стране изменилась.

– А вы никогда ничего подобного не снимали?

– Я предпочитаю снять рекламу, которую я сделаю, подумав о том, что снимаю, – обманом я заниматься не буду никогда, – чем снимать сериал или триллер, который мне глубоко неприятен. Например, только что я отказался от предложения некой зарубежной фирмы. Потому что сначала речь шла о Набокове, потом сценарий превратился в полу-Набокова, потом почти не в Набокова, и кончилось триллером. У меня были договоренности о начале съемок и деньгах, но я отказался, потому что не хотел снимать триллер.

– А что бы вам хотелось снимать?

– По форме может быть что угодно, но по сути мне хотелось, чтобы это был фильм, связанный со значимыми и интересными вещами. Но мне объяснили, что мир хочет смотреть вот это и вот это.

– Одна из последних ваших работ в кинематографе фильм «Копейка». Скажите, чем же вам так приглянулась трагикомическая история про старый советский автомобиль?

– Я полюбил этот сюжет не только из-за привязанности к «Жигулям». Мне показалось, что это машина, через которую можно увидеть наши 30 последних фантастических лет. Она бесконечно дорога мне, потому что в ней есть тепло времени. История – это не только глобальные события. Не меньшее отражение история находит в повседневности, в бытовых вещах. Поэтому мы увлеклись «копейкой» – так называют ВАЗ-2101, ставший первым в России народным автомобилем. Есть предметы, которые по жизни шли с нами многие годы. Их не так много. «Копейка» дожила до сегодняшнего дня.

– Действие «Копейки» начинается в 1970-х. Машина переходит от владельца к владельцу и «доезжает» до наших дней. Происходящие с ней и вокруг нее истории фантасмагоричны и реалистичны одновременно, как и наша жизнь. Вы рассказываете о трех десятках лет в истории нашей страны с улыбкой, хотя, пожалуй, это были не самые веселые годы...

– Когда проходит время, даже самые горькие события в своей жизни люди вспоминают улыбаясь. Когда не страшно? Когда улыбаешься. Не понимаю, к чему в воспоминаниях надрыв? И поражаюсь некоторым диссидентам, которые сейчас без конца вспоминают то время, тех начальников и злятся. Не нужны и не актуальны их пафос и крики. Ничего этого уже давно, слава богу, нет. Это хорошо бы понять всем нам.

– Чем вы сейчас занимаетесь, ведь вы же никогда не сидите сложа руки?

– Подготавливаю несколько новых программ, которые собираюсь предложить центральным каналам. Рассказывать о них пока не хочу, потому что уж очень лихо идеи сейчас воруют.

Кроме того, по заказу телеканала «Россия» я снимаю 52-минутный документальный фильм о Первой мировой войне. Передо мной стоит задача сделать не историко-документальную картину, а создать некий художественный взгляд на войну. Поэтому кроме книг по истории и архивных документов мы используем и мемуары. Я считаю, что в воспоминаниях Бабеля, Тэффи и многих других свидетелей той эпохи можно найти значительное число наблюдений не менее ценных, чем в профессиональной литературе.

– Ну, так или иначе, все равно речь идет о телевидении. Поэтому скажите, уютно ли вы себя чувствуете там и что вы думаете о его сегодняшнем уровне?

– Я очень люблю телевидение, причем не себя в телевидении, а телевидение как процесс. Мне оно интересно как мобильная и живая система. Думаю, что сегодня наше телевидение достигло солидного буржуазного вида, но при этом потеряло очень много свежего ветра внутри себя, притока новых идей. Буржуазный вид телевидения создан главным образом за счет лицензионных программ. Все они сняты грамотно, имеют высокие рейтинги, а значит, приносят каналам хороший доход. Но мне кажется, куда интереснее жить новыми идеями, и я уверен, что мы можем создавать свои оригинальные форматы, ведь наше телевидение не должно превращаться в кальку с чужой жизни.

– Разговор мы начали с программы «Ностальгия». Скажите, а сами вы по какой эпохе ностальгируете?

– Эта черта мне не свойственна, я не живу воспоминаниями. Хотя, может быть, чуть-чуть ностальгирую по радости входа в профессию. Это самое куражное время, самое поисковое, но до сегодняшнего дня я этот кураж не потерял. Так что для ностальгии у меня просто нет повода.

– Когда-то вы входили в круг золотой молодежи, дружили с Никитой Михалковым, Андреем Кончаловским, Андреем Мироновым и так далее. Можно ли сказать, что у вас была бурная молодость?

– Да, мне хотелось быть модным, хотелось носить «правильные» ботинки, соответствующую одежду. Но, к счастью, это быстро закончилось. Наверное, что-то подобное было у каждого. Большое значение имеет, насколько быстро человек проходит этапы этого пути.

– В студенческие годы, желая быть модным и защищая свое право танцевать рок-н-ролл, даже вылетели из института.

– Это было на студенческих каникулах. В холле второго этажа в доме отдыха после отбоя, в 11 вечера, мы устроили танцы. Когда на лестнице появился директор пансионата, все разбежались, и остался только я один как ответственный за магнитофон (хотя он был и не мой). Дальше с понятыми, милицией составили акт, который отослали в институт, после чего я был выгнан за «извращение и патологию в танцах». Слово «рок-н-ролл» тогда считалось бранным.

– А сейчас вы танцуете рок-н-ролл?

– Да, и до сих пор делаю это очень ловко, так что молодежь у меня учится. А моим учителем был Андрей Миронов. Наши семьи дружили, и я знал его с раннего детства. Мне было лет 12, ему – около 20, мы с ним танцевали рок-н-ролл в паре: он с легкостью бросал меня через себя, переворачивал и крутил. И в кругу друзей и знакомых наш дуэт пользовался успехом.

> ***С понятыми, милицией составили акт, который отослали в институт, после чего я был выгнан за «извращение и патологию в танцах». Слово «рок-н-ролл» тогда считалось бранным.***

– Также вы дружили и с Никитой Михалковым, а сейчас ваши отношения, мягко говоря, не очень хорошие: он не показывает ваши картины на своем кинофестивале и говорит, что не знает такого режиссера, как Дыховичный, ну и вы не упускаете случая приложить его в очередном интервью. Почему так произошло, какая кошка между вами пробежала?

– Думаю, между нами есть очень серьезные, глубокие отношения. Если бы мне было все равно, я бы никогда о нем ничего не говорил. Если бы ему было все равно, он бы со мной никогда так не поступал. Я считаю его человеком очень одаренным, но есть вещи, которые категорически с ним не разделяю. Но когда об этом ему говорю, Никита не хочет воспринимать эти слова как произнесенные не врагом, а человеком, который к нему относится уважительно.

– То есть каких-то реальных событий, которые вас развели по разные стороны баррикады, не было?

– Может быть, и были, но только ни он, ни я об этом по различным соображением не рассказываем.

– В вашей жизни было много встреч и с другими выдающимися людьми. Однажды судьба вас свела даже с Юрием Гагариным...

– Мне было шестнадцать лет. В четыре утра трое космонавтов – Гагарин, Титов и не помню, кто еще, сильно выпившие сидели втроем в голубых майках и в брюках от военной формы за столом на одной московской кухне. У них была большая проблема: они не знали, как им доехать до города Чкаловска, потому что вести машину никто из них категорически не мог. Эпицентром той компании была одна очень красивая женщина, вокруг которой и собирались различные люди, включая даже такого недоумка, как я. Гагарин, кстати, подарил мне свою фотографию с автографом, но потом, утверждая, что это фальшивка, ее отобрал у меня один мент, о чем я до сих пор очень жалею.

– А кто, если не секрет, эта красивая женщина, которая была эпицентром вашей компании?

– Не могу вам назвать ее фамилию, потому что не уверен, что ей хочется предавать такие факты своей биографии огласке. В то время (конец 60-х – начало 70-х) она была довольно известным человеком в Москве. Ее кухня превратилась в настоящий салон, пользовавшийся определенной популярностью, и поэтому там собиралось немало интересных людей. Она жива, но сейчас от общественной и культурной жизни Москвы отошла. И мое с ней общение очень давно прекратилось.

– Когда вы работали в Театре на Таганке, достаточно близко общались с Высоцким, он даже приглашал вас выступать на его концертах. Как вам удалось с ним подружиться, ведь он не был легким в общении человеком?

– Я пришел на «Таганку» в 1970 году, тогда в театре работали всего 30 артистов. И там была всего одна гримерная, в которой все мы и собирались после спектаклей и репетиций. И говорили не о том, что сколько стоит или кто куда поедет отдыхать, потому что денег тогда ни у кого не было, а о работе, о литературе, стихах. И конечно, там была гитара. Правда, Володя не очень любил чужие песни и практически никого, кроме Булата, не признавал, но мои романсы на слова Дениса Давыдова ему чем-то приглянулись, и он предложил выступать вместе. И так мы общались много лет.

– Рассказывают, что он даже как-то повлиял на ваше решение жениться на дочери члена Политбюро.

– Он знал девушку, с которой у меня был долгий роман, и однажды поинтересовался: почему мы – такая красивая пара – и не начинаем жить вместе. Я с ним поделился своими сомнениями: «Скажут, женился, чтобы стать зятем члена Политбюро». На это Володя мне, двадцатидвухлетнему, сказал: «Если бы ты на ней женился потому, что она – дочка Полянского, ты был бы мерзавец. Но если ты на ней потому не женишься, что она – дочка Полянского, ты тем более мерзавец». Эта эффектная фраза очень повлияла на меня. С первой женой мы прожили шестнадцать лет, из них «членом» ее отец был первые три года. Но что я за это заплатил, знаю только я. Люди же у нас очень «добрые».

– С каким временем у вас связаны самые лирические воспоминания?

– Вот как раз это же время – конец 60-х – 70-е годы.

– Интересно, а почему в те годы вы занимались гоночным спортом, который тогда не был таким модным и престижным, как сегодня?

– Для меня гоночный спорт стал формой нонконформизма, детского, вполне понятного желания не быть как все. Я довольно долго его выбирал. Пробовал гимнастику, бокс. Хотел даже заниматься верховой ездой, но с ней было связано государство, армия. И вот тогда отец сказал мне, что надо заниматься таким видом спорта, где еще не разработана почва.

– Если не секрет, на какой скорости вы ездите по городу?

– Тут дело, поверьте мне, не в скорости. Дело... в особенности поворота, в его крутизне. В умении его красиво пройти. То же самое и при движении в центре потока. Те, кто со мной ездил, знают, что я никогда не подставляю людей в потоке под торможение. Как ездят бандиты? Они просто въезжают и выдавливают человека из потока. Кто-то начинает тормозить. Возникает аварийная ситуация. Бандиты, они считают, что выше других. Но ездить не умеют. Знаете, водить машину, которая ездит быстро, может любой дурак. В Москве очень многие ездят быстро, но я сразу вижу, что они не отвечают за то, что делают.

– Говорят, что вы еще и самолетом управлять умеете?

– Я очень хотел научиться летать на самолете, но, посидев за штурвалом самолета и сумев его посадить, я больше этим не занимался. В воздухе мне показалось неинтересно.

– Как это так неинтересно? Ведь это же романтично...

– Реально же дело обстоит так: мокрый от пота, со шлемом на голове, ты сидишь в жестком кресле, которое дико вибрирует. Обзорность примерно как в танке, виден только небольшой кусок неба. Никакой вентиляции в кабине самолета нет. В правом ухе время от времени раздается неразборчивое брюзжание: передают команды из центра, понять которые сможет только человек, пролетавший в этом самолете двадцать лет. Вы делаете один разворот, возвращаетесь обратно, в том же положении, наблюдая этот кусок неба. Адреналин – это посадка и фигура высшего пилотажа, если вы ее исполняете. Мой учитель – Вася Громов – посадил меня за штурвал и за 20 минут тряски показал мне, интеллигенту, что почем. Когда мы приземлились, Вася посмотрел на меня и тихим вкрадчивым голосом спросил: «Еще полетаем?» Хотя я и понимал, что это – моя смерть, ответил: «Конечно». Он протряс меня еще 20 минут, и после второго приземления, посадив самолет, я без сил свалился на траву и сказал: все, больше я не хочу. Кончилась эта история довольно забавно: Вася очень проникся тем, как я быстро все схватывал, и даже как-то сказал, что во мне погиб Чкалов. В чем-то он, возможно, был и прав. Ведь с детства для меня ничего не было выше, чем летчик, которого я видел в таком чудном костюме на экране допотопного черно-белого телевизора.

– Как со временем менялось ваше восприятие женщины и женской красоты? Что было важно раньше и что важно сейчас?

– Думаю, что я не являюсь исключением, и, как большинство мужчин, сначала обращаю внимание на внешний облик. Для меня важно увидеть в женщине интересный персонаж. Необязательно попадающий в критерий чистой красоты, но не лишенный шарма. Для меня сложная женщина, обладающая своеобразным умом, шармом была всегда интереснее лишенной содержания красоты.

– Один мой приятель известную строчку Пастернака перефразировал так: «Цель женщины – самоотдача». На свою супругу вы смотрите с такой же позиции?

– Нет, только как на равного партнера, который во многом может меня превосходить. И я с этим не могу смириться и пытаюсь быть достойным ее. Так же смотрит на меня и она: я для нее интересен тем, что в чем-то ее превосхожу. Моя жена занимается режиссурой, а также играла в одной моей картине. Наш союз основан на огромном интересе друг к другу. Мы часто спорим, обсуждаем планы, делимся различными замыслами.

– Между вами значительная разница в возрасте – более 30 лет. Как получилось, что искорка любви между вами вспыхнула?

– Думаю, это произошло во многом благодаря тому, что я не имею никакого отношения к солидности и у меня нет уважения к собственному возрасту. Поэтому мы и смогли, несмотря на такую разницу, стать близкими людьми. Мы познакомились на телевидении. В то время я работал режиссером Российского канала. И однажды во время кастинга ведущих я обратил внимание на девушку, выделявшуюся из толпы конкурсантов, и понял, что мы с Олей созданы друг для друга. Наш роман развивался стремительно, правда, его сопровождало удивленное перешептывание знакомых, предупреждавших Олю, что она для меня будет девушкой на неделю, и говоривших мне, что я сошел с ума. Но, тем не менее, мы уже семь лет счастливо живем, и, если вы не сглазите, будем жить и дальше. Она и сегодня является самым интересным для меня человеком, привлекающим своеобразным складом ума, не угасающим интересом к жизни. Не говоря о том, что внешне это абсолютно «мой» человек, я могу не отрываясь смотреть на ее лицо хоть целые сутки.

– Что для вас важнее в супруге: творческое начало или умение вести хозяйство?

– Конечно творческое. Но моя жена, кстати, и замечательная домохозяйка. У нас нет такой бытовой проблемы: кто сегодня приготовит суп или сварит картошку, поскольку для нас быт является вторичным. А если же в какой-то день мы в это и играем – скажем, кто-то из нас готовит обед или пылесосит, то подобное только радует и никак не отягощает, мы выполняем все хозяйственные дела легко и быстро. А работать вместе в кино оказалось очень интересно. В «Копейке» она снялась по моей просьбе, на глазах освоив профессию актрисы. Мне кажется, что ее человеческие достоинства переходят с экрана и стоят больше, чем многие актерские умения.

– Вы довольны своей сегодняшней жизнью?

– Доволен тем, что я жив, что, слава богу, есть силы и возможности что-то делать. А так, сами понимаете, что человек почти никогда не может быть полностью удовлетворен собою. Всегда хочется что-то улучшить. К тому же у меня не такая простая жизнь: мне никто не дает денег на кино, мои фильмы почти не показывают по телевидению. «Копейку» показали только один раз, и то не заплатили и половины того, что были должны. Хотя фильм прошел с очень хорошим рейтингом.

Слова

Георгий Гаранян, музыкант:

– С Иваном Дыховичным – телеведущим и режиссером заочно я был знаком очень давно. Все, что он делал в кино и на телевидении, казалось мне очень интересным. Я с удовольствием смотрел его «Уловку» на РТР, «Деньги» на ТВС, а также «Копейку», «Черного монаха», «Прорву» на видео. Но лично мы познакомились только прошлым летом на съемках программы «Ностальгия». Меня восхитил профессионализм Ивана как ведущего, а также обаяние его личности, его внутренняя раскрепощенность. Благодаря ведущему во время записи программы в студии царила атмосфера настоящей джазовой свободы, и хотя никакого отношения к музыке Иван не имеет, я все равно считаю его человеком джаза.

98